

УДК 9:94

Тополев А.Ю.

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова*

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ С ГОСУДАРСТВАМИ
ЮЖНОГО КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ В 1992–1999 гг.:
ЗАПАДНЫЕ ОЦЕНКИ**

A. Topolev

Lomonosov Moscow State University

**THE RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND THE STATES OF THE SOUTH
CAUCASUS AND CENTRAL ASIA (1992–1999): WESTERN ASSESSMENTS**

Аннотация. В статье анализируются взгляды американских и британских исследователей на ключевые аспекты отношений России с государствами Южного Кавказа, Казахстаном и странами Средней Азии в 1992–1999 гг. (проблемные вопросы двусторонней повестки, характер отношений, важнейшие события, внешнеполитические устремления руководства государств Южного Кавказа, Казахстана и стран Средней Азии, интересы Москвы применительно к отдельным странам). Рассматриваются также оценки иностранных исследователей относительно роли России в ряде конфликтов, разразившихся в регионе (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Таджикистан).

Ключевые слова: внешняя политика России, политика России на постсоветском пространстве, государства Южного Кавказа, Казахстан государства Средней Азии, иностранные исследователи.

Abstract. In the article the author analyses the U.S. and British researchers' views on the key moments in the relations between Russia and the states of the South Caucasus, Kazakhstan and the states of Central Asia (problems in the bilateral agenda, the character of the relations, the most important events, foreign-policy aspirations of the South Caucasus, Kazakhstan and Central Asia states' leaders, the interests of Moscow to the region's states). The author also considers foreign researchers' valuations of Russia's role in regional conflicts (Abkhazia, South Ossetia, Nagorno-Karabakh, Tajikistan).

Key words: Russian foreign policy, Russian policy in the former Soviet Union area, the states of the South Caucasus, Kazakhstan, the states of Central Asia, foreign researchers.

На протяжении более чем двадцати лет после распада Советского Союза события, разворачивающиеся на Южном Кавказе, в странах Средней Азии и Казахстане, продолжают оставаться в фокусе внимания представителей отечественной политической и деловой элиты, научных кругов. Объясняется это во многом той значимостью, которую эти регионы представляют для интересов Российской Федерации и которая проявляется в различных сферах: геополитической, экономической, военной и идеологической. Вместе с тем значительный интерес к закавказским и центральноазиатским государствам¹ после распада СССР проявляли и другие центры геополитического влияния, такие, как США, страны Западной Европы, Китай, Турция.

Учитывая важность Южного Кавказа, Казахстана и Средней Азии, не вызывает удивления, что различные аспекты региональной тематики оказывались под пристальным вниманием как отечественных, так и зарубежных исследователей. Не является в данном случае исключением и вопрос развития отношений между Российской Федерацией и государствами этих регионов.

© Тополев А.Ю., 2013.

¹ Понятия Южный Кавказ и Закавказье, а также Средняя Азия и Казахстан и Центральная Азия употребляются в данной статье в качестве взаимозаменяемых синонимов.

В данной статье ставится задача проанализировать взгляды британских и американских исследователей на взаимоотношения России с государствами Закавказья и Центральной Азии после распада СССР, в 1992–1999 гг.¹. Актуальность данной темы объясняется не только важностью самих регионов и целесообразностью учета мнений иностранных учёных при оценках различных событий, но и тем фактом, что взгляды западных исследователей, многие из которых привлекаются к работе в государственных структурах в качестве консультантов, представляют интерес для осмысления политики Запада на постсоветском пространстве на протяжении последних двадцати лет.

Россия и государства Южного Кавказа

Анализируя события в Закавказье в 1990-е гг., многие иностранные специалисты обращали своё внимание на тему российско-грузинских отношений, которые оценивались ими как достаточно проблемные. Отмечалось, что первый президент Грузии Звиад Гамсахурдия выступал против ориентации страны на Россию и отказывался присоединяться к СНГ. Напротив, он стремился сформировать «имидж Грузии как особой европейской страны, которая должна немедленно разорвать все связи с Россией и своим советским прошлым» [2, с. 366]. Пришедший ему на смену Эдуард Шеварнадзе, хотя и был более реалистичным и склонным к учёту мнения Москвы политиком, также, по оценкам учёных, «намеренно концентрировал свою внешнюю политику на отрыве Грузии от России» [2, с. 366; 14, р. 113].

Наибольшее внимание исследователей в контексте российско-грузинских отношений концентрировалось на событиях вокруг Абхазии и Южной Осетии. Несмотря на то, что ряд специалистов указывал на внутренние

корни абхазского и южноосетинского конфликтов [14, р. 137; 10, р. 104], доминирующей точкой зрения являлось мнение о том, что Россия способствовала их разжиганию (или, как выразился Ричард Пайпс, «провоцированию» [16, р. 73]) и сыграла тем самым отрицательную роль. Отмечалась поддержка, оказываемая Россией двум непризнанным государствам, выражавшаяся в «тренировке и снабжении сецессионистов» [12, р. 36, 563; 17, р. 94].

Причину, побудившую Москву занять сторону абхазов и осетин, некоторые исследователи усматривали в стремлении «наказать» Грузию за нежелание присоединиться к СНГ, участвовать в интеграционных инициативах России на постсоветском пространстве и оставить российские войска на своей территории [17, р. 94–95; 16, р. 73]. При этом звучали и более радикальные утверждения о том, что целью Москвы в случае с Абхазией, является ее последующая аннексия [10, р. 109]. Кроме того, Райан Менон видел причины поддержки двух непризнанных государств не только в свете грузинского фактора, но и в связи с их собственной стратегической важностью [14, р. 136].

Как отмечалось исследователями, российская помощь сецессионистам сыграла свою роль, и Э. Шеварнадзе был вынужден обратиться к России за помощью в обмен на ряд «уступок» (принятые грузинским руководством решения о присоединении Грузии к СНГ, появлению в стране четырёх российских военных баз и охране грузинской границы с Турцией российскими пограничными войсками) [14, р. 140; 16, р. 73; 12, р. 563]. Москва приняла участие в прекращении кровопролития, а её военнослужащие были размещены в миротворческих контингентах в регионе. Однако эти действия оценивались некоторыми учёными как свидетельства намерений России укрепить свою роль в обеспечении безопасности региона и сохранении контроля за ситуацией [13, р. 845].

Аналогии с российско-грузинскими отношениями исследователи видели в ситуации, складывающейся в 1990-е гг. между Россией

¹ Следует отметить, что характер источников, предполагающий концентрацию внимания исследователей на каких-либо конкретных вопросах и событиях, не даёт возможность проследить в некоторых случаях динамику развития процессов.

и Азербайджаном. Отмечалось, что ставший президентом Азербайджана в июне 1992 г. Абульфаз Эльчибей, так же как и З. Гамсахурдия, выступал против присоединения его страны к СНГ. Его внешнеполитические устремления были направлены в сторону Турции «и из чувства культурного родства и как средство вывести его страну из российской орбиты» [14, р. 111]. При этом, как и в случае со сменой власти в Грузии, «Москва приветствовала...замену Эльчибея Алиевым» [14, р. 111].

Специалисты указывали, что следующий президент Азербайджана Гейдар Алиев понимал необходимость учитывать интересы России [14, р. 111; 12, р. 563]. В качестве примеров такого рода политики приводились принятые в 1993 г. решения о вступлении Азербайджана в СНГ, а также подписании договора о коллективной безопасности [12, р. 563; 14, р. 130]. В июле 1997 г. между странами был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности [14, р.130]. Кроме того, Г. Алиев также выступал за участие российских компаний в нефтедобыче в азербайджанском секторе Каспийского моря [14, р. 118].

В то же время Баку отверг «требования России» о предоставлении ей права размещать свои войска на территории Азербайджана, а также охранять границу с Ираном. Кроме того, Азербайджан выступал против российского подхода к определению статуса Каспийского моря и заключал соглашения не только с российскими, но и с западными компаниями о совместной разработке нефтяных запасов [14, р. 118; 8, р. 53]. При этом, как отмечали Фредерик Старр и Сванте Корнелл, стремление к самостоятельности от России подпитывалось все более возрастающим интересом, проявляемым к Баку со стороны внешних «акторов», особенно США и Турции [8, р. 54].

Тема российско-азербайджанских отношений рассматривались многими исследователями в связке с проблематикой Нагорного Карабаха. Как и в случае с Абхазией и Южной Осетией, иностранные исследователи обра-

щали внимание на то, что российский фактор присутствовал в конфликте. Отмечалось, что это проявлялось, главным образом, в форме участия подразделений российских вооружённых сил в конфликте на стороне Армении [14, р. 129; 10, р. 98–104; 17, р. 94]. При этом однозначных утверждений о том, что российские войска действовали исключительно по приказу Москвы, а не в силу «упадка дисциплины» или «инициатив местных командиров», исследователи не выносили [14, р. 129; 10, р. 104]. Вместо этого они сходились во мнении, что у Москвы не было причин поддерживать в нагорно-карабахском конфликте Азербайджан и сдерживать Армению, пока у власти в Баку находился А. Эльчибей. При этом признавалось, что Россия сыграла важную роль в прекращении кровопролития: «Благодаря российскому посредничеству договоренность о прекращении огня был достигнута лидерами Армении, Нагорного Карабаха и Азербайджана в мае 1994 года» [14, р. 132].

Анализируя же собственно российско-армянские отношения в 1990-е гг., большинство учёных приходило к выводу, что Армения являлась главным союзником России на Южном Кавказе. Ориентация на Москву была присуща политике Еревана с «момента обретения независимости» [9, р. 58] и объяснялась историческими, географическими и геополитическими причинами. Так, Ричард Пайпс указывал, что «Армения традиционно полагается на Россию в вопросе защиты от Турции и других мусульманских соседей» [16, р. 72]. Солидаризируясь с этим утверждением и объясняя разницу во внешнеполитических устремлениях Армении и Грузии, Томас Гольц отмечал: «Существуют исторические причины для разницы подходов в отношении к России. Замкнутая, небольшая и со своими национальными трагедиями, Армения видит в России гаранта своего существования» [10, р. 96].

На протяжении рассматриваемого периода исследователями подчёркивалось поступательное развитие российско-армянских отношений в различных сферах. Важнейшим

направлением являлось взаимодействие в области безопасности, в качестве примера которого приводилось пребывание российских военных на территории страны и участие российских войск в охране армянской границы с Турцией и Ираном [2, с. 371; 14, р. 130]. В 1997 г. между двумя странами был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, углублявший отношения российско-армянские отношения в сфере безопасности [2, с. 371; 14, р. 130]. Кроме того, как отмечали некоторые исследователи, на протяжении 1990-х гг. Ереван являлся одним из наиболее ориентированных на Москву участников СНГ [12, р. 563; 14, р. 130], а Россия оставалась «ведущей силой в армянской экономике» [8, р. 190].

Россия, государства Средней Азии и Казахстан

Проблема выстраивания контактов с Россией являлась ключевой для лидеров государств Средней Азии и Казахстана, хотя наиболее остро данный вопрос, по мнению иностранных специалистов, стоял перед Астаной.

Отношения республики с Российской Федерацией на протяжении 1990-х гг. были отмечены асимметричной взаимозависимостью. Экономика Казахстана, особенно его северных областей, была тесно связана с российской экономикой [5, с. 25]. Кроме того, два государства имели общую протяжённую границу, что, как указывала Марта Брилл Олкотт, с учётом значительного количества этнически русского населения в северных областях Казахстана могло быть использовано Москвой в случае гипотетического конфликта с Россией [6, с. 42].

Осознавая степень своей зависимости от России, президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, по мнению иностранных исследователей, избрал путь развития тесных и конструктивных отношений с Российской Федерацией и участия в интеграционных инициативах Москвы. Полагая, что в рамках коллективных структур интересы Казахстана будут максимально учтены, он высту-

пал как «последовательный и настойчивый сторонник институциональных связей на постсоветском пространстве» [4, с. 34]. Так, республика являлась членом Содружества Независимых Государств, Договора о коллективной безопасности, а в 1995 г. вошла в Таможенный Союз.

Кроме того, не осталось незамеченной специалистами и развитие двусторонних отношений между Москвой и Астаной. Отмечалось, что в 1992 г. стороны подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, ставший «фундаментом российско-казахстанского военного сотрудничества», а в целом взаимодействие в этой сфере на протяжении рассматриваемого периода носило интенсивный характер [6, с. 63; 14, р. 152]. Несмотря на выход Казахстана из рублёвой зоны в 1993 г., экономические связи между двумя странами были очень тесными, российские компании активно проникали на местный рынок, и к 2000 г. Россия оставалась главным торговым партнёром республики [6, с. 159].

Вместе с тем исследователи обращали внимание на наличие спорных моментов в российско-казахских отношениях в 1990-е гг. В частности, статус космодрома Байконур «регулярно создавал трудности в отношениях двух стран», а исходившая из Москвы идея о двойном гражданстве для этнических русских была отвергнута руководством республики [6, с. 63, 265]. Роберт Легволд также подчёркивал, что Астана в рассматриваемый период прикладывала усилия к развитию отношений не только с Россией, но и с другими геополитическими центрами влияния, находя у них соответствующий отклик [4, с. 104]. Однако, несмотря на имевшиеся противоречия, в целом отношения России и Казахстана на протяжении 1990-х гг., по оценкам иностранных специалистов, носили тесный характер, а «импульс к интеграции» [6, с. 34] в них был выше, чем тяга к антагонизму.

В этом же русле интерпретировались исследователями и российско-киргизские отношения. Отмечалось, что хотя президент страны Аскар Акаев стремился проводить на

международной арене политику, призванную способствовать расширению внешнеполитических горизонтов страны и налаживанию контактов со странами Запада и Востока [18, р. 218; 9, р. 37], он в то же время «был склонен следовать курсу Назарбаева» [9, р. 37] в вопросе выстраивания отношений с Россией.

Киргизия не только являлась членом СНГ, но и выступала участником интеграционных проектов России на постсоветском пространстве, в частности Таможенного Союза [5, с. 73]. Как «достаточно высокий» [5, с. 17] рассматривался и уровень двустороннего сотрудничества в ряде ключевых сфер, в частности в области безопасности, свидетельством чему служило участие российских пограничных войск в охране государственной границы страны с Китаем [14, р. 136].

В качестве государства региона, в дела которого Россия в рассматриваемый период была наиболее глубоко вовлечена, специалисты определяли Таджикистан. Отмечалось, что российская военная поддержка и экономическая помощь являлись ключевыми условиями сохранения власти президентом Эмомали Рахмоновым в условиях разразившейся в стране в 1992–1997 гг. гражданской войны. «Если бы не было 201-й мотострелковой дивизии и пограничной стражи (всего около 15 тысяч человек), правительство Рахмонова рухнуло бы...» [14, р. 145]. При этом сами российские вооружённые силы рассматривались некоторыми специалистами как инструмент обеспечения влияния Москвы в стране: «гражданская война в Таджикистане позволила обеспечить постоянное присутствие войск бывшей Советской Армии на его территории» [16, р. 72; 1, с. 172].

Применительно к тематике российско-туркменских отношений на протяжении 1990-х гг., основным вопросом, интересовавшим исследователей, являлось сотрудничество Москвы и Ашхабада в газовой сфере. Отмечалось, что с самого начала российское правительство и компания «Газпром» были заинтересованы в контроле над газовой отраслью Туркменистана [5, с. 48; 15, р. 24]. Для достижения своей цели российские власти

задействовали имевшиеся в их распоряжении рычаги влияния на Ашхабад, главным из которых был контроль над экспортными трубопроводами.

Вместе с тем условия сделок, предлагаемых Россией, вызывали неудовольствие в Ашхабаде, в связи с чем специалистами фиксировались перебои в российско-туркменском газовом сотрудничестве, как, например, в 1997 г., когда туркменские власти прекратили поставки газа России [9, р. 47; 15, р. 25]. Одновременно отмечался значительный интерес иностранных компаний к освоению газовых запасов Туркмении [15, р. 11–22].

В целом же, по мнению Брюса Пэротта и Карен Давиша, Туркменистан сразу осознал «полезность поддержания двусторонних отношений с Россией» [18, р. 220], в подтверждение чему приводилось подписание уже в июле 1992 г. договора о дружбе и сотрудничестве. Отмечалось сотрудничество двух стран в вопросах безопасности, в частности российские пограничники участвовали в охране туркменской границы с Ираном [14, р. 119]. В то же время Марта Брилл Олкотт указывала, что Ашхабад также выказывал стремление к развитию отношений с другими центрами геополитического притяжения [5, с. 72, 87, 90, 92].

Среднеазиатским государством, которое в рассматриваемый период наиболее последовательно проводило линию по укреплению своего суверенитета и «оппозицию усилиям России в сторону «интеграции» [1, с. 174], по мнению большинства иностранных специалистов, являлся Узбекистан. Именно эта страна, по мнению Збигнева Бжезинского, наряду с Азербайджаном и Украиной заслуживала наибольшей поддержки со стороны США, поскольку Узбекистан представляет собой «душу пробуждающихся разнообразных национальных чувств» в регионе, а также является «фактическим кандидатом на роль регионально лидера в Средней Азии» [1, с. 156–157].

Хотя исследователи не усматривали жесткой конфронтации в узбекско-российских отношениях на протяжении 1990-х гг., а Таш-

кент присоединился и к СНГ и к Договору о коллективной безопасности, его внешняя политика была направлена на диверсификацию международных отношений. Примерами такого рода поведения являлось стремление «установить прочные отношения с США в сфере безопасности», а также готовность присоединяться к «любой международной структуре, которая может служить как противовес СНГ» [9, р. 52]. «Чтобы уменьшить опору на Россию», президент Узбекистана Ислам Каримов поддерживал развитие транспортных систем и коммуникаций в регионе [19, р. 87]. Руководством Узбекистана также прикладывались значительные усилия по сокращению зависимости от Москвы в вопросах безопасности с помощью формирования собственных кадров для офицерского корпуса армии и создания сильных подконтрольных власти специальных служб [9, р. 52].

Выводы

Рассматривая отношения России с государствами Южного Кавказа в 1990-е гг., многие иностранные исследователи проводили аналогии между российско-грузинскими и российско-азербайджанскими отношениями. Отмечалось, что первые лидеры этих государств З. Гамсахурдия и А. Эльчибей выступали против ориентации Тбилиси и Баку на Россию, а пришедшие им на смену Э. Шеварнадзе и Г. Алиев, несмотря на стремление развивать отношения с Западом и проводить независимую политику, были склонны к поиску компромисса с Москвой по проблемам внешней политики. В качестве главного союзника России в Закавказье в рассматриваемый период учёные видели Армению.

При этом значительное внимание исследователи уделяли региональным конфликтам в Южной Осетии, Абхазии и Нагорном Карабахе. Иностранные наблюдатели обращали внимание на присутствие российского фактора в тех конфликтах, в которых Москва поддерживала одну из сторон, руководствуясь собственными геополитическими интересами. При этом отмечалось и участие России в прекращении кровопролития.

Отношения с Российской Федерацией имели ключевое значение для руководства государств Средней Азии и Казахстана. Наиболее остро этот вопрос стоял перед казахским руководством в силу асимметричной взаимозависимости двух стран. Несмотря на имевшиеся противоречия, в целом отношения между Москвой и Астаной на протяжении 1990-х гг., по оценкам иностранных специалистов, носили тесный характер, а президент Казахстана Н. Назарбаев проводил политику участия в интеграционных инициативах Москвы. Подобный подход исповедовал и лидер Киргизии А. Акаев, подтверждением чему служило участие его страны в ряде коллективных организаций под эгидой Москвы, а также двустороннее сотрудничество в ключевой сфере безопасности. Применительно к Таджикистану подчёркивалось, что российская экономическая и военная помощь имела решающее значение для сохранения власти президентом Э. Рахмоновым.

В российско-туркменских отношениях внимание иностранных учёных фокусировалось главным образом на энергетических вопросах, которые сохраняли свою актуальность для сторон на протяжении всего рассматриваемого периода. При этом Ашхабад сотрудничал с Москвой и в других сферах, одновременно прикладывая усилия к развитию отношений с иными державами. Наиболее же последовательным защитником суверенитета и противником интеграционных инициатив России в регионе в 1990-е гг., по мнению иностранных учёных, выступал Узбекистан, политика которого была направлена на диверсификацию международных контактов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его стратегические императивы. – М.: Междунар. отношения, 1998. – 254 с.
2. Ваал Т. де. Грузия и её дальние соседи // Государственность и безопасность: Грузия после «революции роз» [сб. ст. / Амер. акад. гуманитар. и точных наук]; под ред. Б. Коппитерса и Р. Леволда. – Кембридж: Изд-во Массачусетского технологического института, 2005. – С. 365–401

3. Легволд Р. Интересы великих держав в Центральной Азии // Стратегические перспективы: ведущие державы, Казахстан и центральноазиатский узел [сб. ст. / Амер. акад. гуманитар. и точных наук]; под Р. Легволда. – Кембридж: Изд-во Массачусетского технологического института, 2003. – С. 1–47.
4. Легволд Р. Политика США в отношении Казахстана // Стратегические перспективы: ведущие державы, Казахстан и центральноазиатский узел [сб. ст. / Амер. акад. гуманитар. и точных наук]; под Р. Легволда. – Кембридж: Изд-во Массачусетского технологического института, 2003. – С. 81–130.
5. Олкотт М. Б. Второй шанс Центральной Азии. – М.; Вашингтон: Моск. Центр Карнеги, Фонд Карнеги за межд. мир, 2005. – 487 с.
6. Олкотт М. Б. Казахстан: непройденный путь. – М.: Гендальф, 2003. – 354 с.
7. Aron L. The foreign policy doctrine of postcommunist Russia and its domestic context // The New Russian foreign policy / Michael Mandelbaum, ed. – New York: Council on foreign relations, 1998. – P. 23–63.
8. Cornell E. Svante Starr Fr. The Caucasus. A Challenge for Europe. – CACI & SRSP Silk Road Paper. Uppsala & Washington, 2006. – 85 p.
9. Fairbanks Ch., Nelson C.R., Starr Fr., Weisbrode K. Strategic Assessment of Central Eurasia. – The Atlantic Council and Central Asia-Caucasus Institute, SAIS, 2001. – 131 p.
10. Goltz Th. Letter from Eurasia: The hidden Russia hand // Foreign policy. – 1993. – № 92. – P. 92–116.
11. Graham T. Resurgent Russia and U.S. Purposes. A Century Foundation Report. – Washington D.C., 2009. – 35 p.
12. Kubicek P. Russian foreign policy and the West // Political Science Quarterly. – Vol. 114. – № 4. Winter, 1999–2000. – P. 547–568.
13. Lynch D. Separatist States and Post-Soviet Conflicts // International Affairs. – 2002. – 78(4). – P. 831–848.
14. Menon R. After empire: Russia and the southern «Near Abroad» // The New Russian foreign policy / Michael Mandelbaum, ed. – New York: Council on foreign relations, 1998. – P. 100–166.
15. Olcott M.B. International gas trade in Central Asia: Turkmenistan, Iran, Russia and Afghanistan. James A. Baker III Institute for public policy. Rice University. Stanford University. Working Paper. – № 8. – 2004. – 40 p.
16. Pipes R. Is Russia still an enemy? // Foreign affairs. – Vol. 76. – № 5. – 1997. – P. 65–78.
17. Rivera D.W. Engagement, containment and the international politics of Eurasia // Political Science Quarterly. – Spring, 2003. – Vol. 118. – № 1. – P. 81–106.
18. Russia and the new states of Eurasia: The politics of upheaval / Karen Dawisha a. Bruce Parrott. – Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1994. – 445 p.
19. Starr Fr. Making Eurasia stable // Foreign affairs. – 1996. – Vol. 75. – № 1. – P. 80–92.